

УДК 81'255.2
ББК 81.07

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛАВЯНИЗМОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Ж.К. Клынова

В статье на примере поэтических произведений А.С. Пушкина определена семантико-стилистическая специфика славянизмов, обуславливающая трудности при их переводе. Охарактеризованы способы перевода славянизмов на казахский язык, позволяющие сохранить культурно-историческую информацию, заключенную в семантике лексических единиц.

Ключевые слова: художественный перевод, славянизм, стилистически маркированный архаизм, семантика, культурно-историческая информация, способы перевода, контекстуальные эквиваленты, стилистическая трансформация.

Современные тенденции переводоведения детерминированы динамикой социально-культурных и языковых процессов в условиях глобальных явлений, требующих новых средств в области обмена информацией. Расширение межкультурных контактов требует более глубокого осмысления процесса перевода во всех его разновидностях (художественный, научно-технический, устный, письменный) и во всех аспектах работы переводчика. В условиях современной межъязыковой и межкультурной коммуникации в связи с развитием коммуникативной инфраструктуры и большим объемом информации перевод приобретает новое социальное измерение. Он стал рассматриваться не как межъязыковая, а как межкультурная коммуникация или лингвокультурный процесс – взаимодействие контекстов, включающих лингвистические и экстралингвистические параметры коммуникации.

Художественный перевод – самый сложный вид переводческой деятельности, поскольку это не только простое переключение кодов, но и воссоздание средствами другого языка культурно-национального своеобразия оригинала. Именно в художественном тексте, как зеркале духовной культуры народа, сосредоточен

культурный и образный потенциал языка, поэтому лингвостилистические проблемы художественного перевода остаются самыми дискуссионными и актуальными. Для теории художественного перевода значительный интерес представляет сопоставительное изучение неродственных языков, что позволяет выявить их семантико-стилистические особенности и определить пути адекватной передачи национально-культурной специфики оригинального произведения средствами другого языка.

Одними из стилистически маркированных языковых единиц в художественных (поэтических) текстах являются *славянизмы* – слова, заимствованные из старославянского (церковнославянского) языка, которые не только тесно связаны с историей, культурой и духовностью русского народа, но и представляют собой уникальный феномен в истории и языках других славянских народов.

Часть славянизмов, составивших в русском литературном языке ядро высокой и поэтической лексики, в современном языке представляют собой стилистические и семантические архаизмы. Как правило, перевод славянизмов на другие языки, особенно на неродственные, вызывает большие трудности, связанные не только с различиями лексико-стилистической базы, но и с национально-обусловленными культурными различиями народов, прошедших разный исторический путь. При переводе славянизмов на другие языки необходимо осознавать, что их функционирование связано с вос-

произведением той эпохи, в которой жил автор, а значит и с ценностной ориентацией языкового социума – представлениями и понятиями, составляющими элементы «картины мира». Основные трудности при переводе славянизмов на казахский язык обусловлены следующим: отсутствием в языке перевода точного соответствия (эквивалента, аналога) вследствие различий стилистической базы русского и казахского языков; необходимостью наряду с предметным значением славянизмов передать такие его семантико-стилистические особенности, как «торжественность», «возвышенность», «поэтичность», «абстрактность» и «умозрительность»; необходимостью «воспроизведения» стилистических функций славянизмов как художественно-образительного средства, а также средства архаизации и исторической стилизации и др.; необходимостью раскрыть культурно-историческую информацию, заключенную в семантике славянизмов, сохранить при переводе значения поэтизмов в описании человека как «духовного целого», поскольку их устойчивая оценочность и культурная значимость обнаруживают «непереводимость» на другие языки.

В казахской переводной литературе наибольшее число переводов на казахский язык составляют произведения классика русской литературы А.С. Пушкина. Переводами его поэзии на протяжении почти всего XX столетия занимались такие талантливые литераторы, как К. Аманжолов, К. Бекхожин, И. Жансугуров, Т. Жароков, А. Кунанбаев, Г. Орманов, А. Тажибаев, К. Шангитбаев и др. При этом в динамике наблюдается совершенствование переводческого мастерства, основанного на большом опыте предшественников. Такое количество казахских переводов позволяет закономерно ставить вопрос о научной проблеме качества этих переводов.

Анализ переводов произведений А.С. Пушкина на казахский язык с точки зрения сохранения в них семантико-стилистических и историко-культурных коннотаций славянизмов, впервые представленный в нашей кандидатской диссертации [2], позволяет оспорить мнение М. Джангалина, высказанное еще в середине прошлого столетия относительно способов перевода славянизмов и архаизмов: «Если в какой-то степени можно сохранить стилисти-

ческий оттенок в слове *россияне*, переводя его *россиянды қтар*, то это совершенно невозможно в словах *днесь*, *деяние*, *сей*, *сия*, *сие* и т. д. Поэтому единственная возможность – это передать логическое значение *гладкой*, *нейтральной лексикой* (курсив наш. – Ж. К.), хотя при этом оригинал теряет свою эмоциональную окраску» [1, с. 37]. Об этом пишет и М.Н. Шмелева: «В качестве стилистических средств архаизмы и церковнославянизмы стали употребляться в начале XIX в. именно в произведениях А.С. Пушкина. На протяжении XIX–XX вв. они выполняли различные стилистические функции, их перевод представляет большие трудности. Стилистические церковнославянизмы *ночь*, *брег*, *хлад*, *злато*, имеющие русские соответствия, являются нерелевантными с точки зрения перевода (обладают внутриязыковым значением), так как эквивалентный перевод очень часто ведет к нейтрализации экспрессивного значения лексических архаизмов и стилистических церковнославянизмов» [7, с. 37]. Действительно, сохранение семантико-стилистического своеобразия славянизмов в художественных переводах следует считать сложной задачей, которая требует не только знания языка оригинала, но и понимания культурно-исторической значимости этих слов.

Как показывает фактический материал, чаще всего переводчики использовали прием стилистической трансформации: славянизмы – высокие и торжественные слова – заменялись нейтральными лексемами: *лик* – *бет*, *чело* – *маңдай*, *внимать* – *тыңдау*, *глас* – *дауыс*, *младой* – *жас* и др. Как правило, эти слова в казахском языке передают только предметное (вещественное) значение стилистически маркированных архаизмов. Между тем в современном языковом сознании носителей русского языка эти слова связаны с системой общеславянского мировидения. В ряде переводов произведений А.С. Пушкина несмотря на «труднопереводимость», или так называемую непереводимость славянизмов, мастерство переводчика-поэта в использовании богатых возможностей казахского языка позволяло «воссоздать» историко-культурное своеобразие русского классического литературного произведения. Для этого применялись описательные и образные выра-

жения, синонимы, эпитеты и контекстуальные эквиваленты.

Одним из способов передачи стилистических значений славянизмов при переводе на казахский язык является описательный перевод. Например, при переводе стихотворения А.С. Пушкина «Подражание Корану» прилагательное *младых* (*Ведите в плен младых рабынь*) часто переводится сочетанием *жас ару* – «молодая красавица» или «молодая красивая рабыня». Такое сочетание слов в переводе на казахский язык считаем неслучайным, а потому и оправданным, – молодость всегда ассоциируется с красотой, что адекватно передает не только смысл целого контекста, но и отражает его возвышенность и экспрессию. Между тем применение этого способа в стихотворных текстах не всегда представляется возможным в силу несовместимости с размерами стиха. Однако несмотря на то, что развернутые словосочетания не позволяют «попадать» в ритм и рифму стихотворных текстов, этот способ перевода зачастую используется при передаче таких поэтизмов, как *очи*, *уста*, *ланиты*, *перси* и т. д., что, вероятно, связано с необходимостью эксплицитировать эстетический компонент значения в их семантике – о прекрасном (в современном русском языке они входят в разряд «высоких» слов, характеризующих человека). Обратимся к примерам:

*Люби меня; никто доньше
Не целовал моих очей;
К моей постеле одинокой
Черкес молодой и черноокой
Не крался в тишине ночной.*
(А.С. Пушкин «Медный всадник»)

*Сүй мені, қыз болгалы өмірімде
Көрген жоқ нәркес, қара көзден ешкім сүйіп,
Черкестің солқылдаған боз баласы,
Қиылған нәркес көзді, қара қасты,
Жаныма көрпемді ашып енген емес.*

(пер. Т. Жарокова)

Славянизм *очи* переведен словосочетанием *н әркес*, *қара көз* «красивые (прекрасные) черные глаза», поскольку речь идет о девушке-черкешенке. Как правило, в таких сочетаниях слов, одним из компонентов выступает прилагательное, чаще в функции эпитета, с помощью которого и «воспроизводится»

образная, экспрессивная часть семантики славянизмов. Эпитет *қара көз* (черные глаза) частотен в казахской поэзии при описании красоты девушки: испокон веков казахские поэты воспевали черные глаза любимых, используя сравнения: *қара көз* (глаза как уголь), *қарақат көз* (глаза как смородина), *бота көз* (глаза как у верблюжонка) и т. п.

Образными сочетаниями переводится также славянизм-поэтизм *уста*: *ә демі ауыз* (красивые губы), *нұрлы ауыз* (лучезарные, излучающие свет губы), *назды ерін* (нежные и чувственные губы). Использование при переводе на казахский язык таких образных сочетаний позволяет сохранить семантику и стилистические функции данных поэтизмов, подробно охарактеризованные Е.С. Яковлевой: «Языковой материал позволяет говорить о двух функциональных возможностях использования *очей* и *уст*, в каждой из которых эти слова уникальны в том смысле, что описывают свою, особую, предметную область. Первая связана с образностью, наличием в семантике данных слов своего рода эстетической составляющей. *Очи* – это не просто глаза, но и выразительные, красивые, производящие впечатление. <...> *Уста* – это не просто губы или рот, но и одновременное их определение, ср. пример из Словаря эпитетов *О, Боже мой! Как лежат прекрасные уста, // Как холодны твои пленительные очи...* Вторую возможность рассматриваемые слова обретают вследствие актуализации компонента “духовность”: в современном языковом сознании *уста* и *очи* чужды обыденности, не нейтральны. Именно поэтому “высокие” *очи* (в отличие от нейтральных *глаз*) описывают не только физические, но и духовные, присущие только человеку, способности, ср. *перед его мысленными очами...*, где *очи* прилагаются к памяти, воображению, *увидеть мысленными очами*, где *очи* являются органом интуиции» [8, с. 68].

Как уже было сказано выше, основной функцией славянизма-поэтизма *очи* (*око*) в лирических произведениях следует считать создание живописных портретов возлюбленной, что передается развернутыми словосочетаниями, включающими такие эпитеты как *мұңлы* (печальные), *қара* (черные), *қызыл* (красные), *н әркес* (красивые), *ә деміі* (пре-

красные), которые представляют собой контекстуальные эквиваленты – специально подобранные образно-экспрессивные слова или сочетания слов казахского языка, синонимы, эпитеты и т. п., по преимуществу не включенные в корпус двуязычных словарей и представляющие собой условные эквиваленты средств оригинала. Действительно, в силу своего предназначения и своей природы двуязычные словари не учитывают и не могут учесть речевые контекстуальные соответствия. Составители словарей сопоставляют лишь единицы, которые воспринимаются как эквиваленты при сравнении двух языков вне конкретных контекстов. Например, прилагательное с неполногласием *младой* в русско-казахском словаре имеет один словарный эквивалент – это стилистически нейтральное прилагательное казахского языка – *жас*, которое по семантике адекватно и исконно русскому слову с полногласием *молодой*. Разумеется, такая замена не будет переводческой ошибкой, поскольку *жас* – это словарный эквивалент. Однако анализ переводов показывает, что переводчики, понимая функциональную нагруженность славянизмов, пытаются творчески подойти к данной проблеме, мастерски используя подходящие именно для определенного контекста синонимы казахского языка, например: *бозбала* – «юноша, молодой парень», *жап-жас* – «очень молодой, молоденький» (в казахском языке одна из форм превосходной степени прилагательных образуется с помощью прибавления к первому слову так называемого усилительного слога *п-* (например, *жап-жасыл*, *қып-қызыл*, *сап-сары*), употребление которого придает высказыванию эмоциональность и экспрессию).

Между тем при переводе славянизмов переводчики используют контекстуальные эквиваленты, которые не во всех случаях сохраняют семантико-стилистическое своеобразие оригинала. Например:

*Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил.*
(А.С. Пушкин «Полтава»)

*Ақырын батты ойға.
Жанарынан байқалды,
Ішкі толқын алас ұрған*
(пер. К. Аманжолова)

*Олақырын ойға батты
Түскен еңсе – өте ызғарлы*
(пер. С. Талжанова)

В указанных контекстах славянизм *взор* в одном случае (у К. Аманжолова) переводится как *жанарынан*, что семантически эквивалентно оригиналу, в другом случае (у С. Талжанова) переводится словом *еңсе*, которое не только не передает стилистического оттенка, свойственного оригиналу, но и искажает семантику (ср. перевод лексемы *еңсе* в Казахско-русском словаре Х. Махмудова, Г. Мусабаева): *еңсе* «стать, рост» (КРС, с. 68).

При переводе славянизмов необходимо учитывать культурно-историческую информацию, заключенную в семантике слова, что требует фоновых знаний, обращения к истории слов. Наиболее интересной представляется семантическая история слова *взор*, форма множественного числа которого в русском языке XVIII – начала XIX вв. была синонимом существительного *глаза* (в современном русском языке оно является синонимом только слова *взгляд*): *И светлоголубые взоры / Ея всечасно слезы льют* (Г.Р. Державин); *Слепит блеск молний взоры* (И.А. Крылов), а также в МАС: *С жадностью глотаю я благовоновый воздух и устремляю взоры в синюю даль* (М.Ю. Лермонтов); *Когда она [Илька] вошла в партер, взоры публики обратились к ней* (А.П. Чехов) (МАС, с. 169). В этом значении существительное *взор* этимологически и по своей внутренней форме связано с выражением семантики «то, с помощью чего взируют, то есть глядят». Слово *взгляд*, в отличие от своего синонима *взор*, обозначает «инструмент смотрения» и не сохраняет семантику вещественности, свойственную существительному *глаза*, называемому орган зрения. Функциональная выделенность «высокого», «книжного» слова *взор* по сравнению с нейтральным *взгляд* обусловлена тем, что, с одной стороны, именно *взор* может быть мысленным, внутренним: *Перед его мысленным взором (*взглядом) вставали картины прошлого; и именно взор прилагается к обобщенному субъекту: Взоры (*взгляды) Европы устремлены сюда; Взоры (*взгляды) всех россиян обращены к вам.* Между тем в русско-казахских словарях, изданных в разные годы (см.: РКС 1954; РКС 1978; РКС 2005), не дается

дефиниция лексемы *взор* в значении *глаза*. Между тем в поэзии А.С. Пушкина встречаются такие контексты, где славянизм *взор* синонимичен существительному *глаза*.

*Ангел кроткий, безмятежный
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми, иль опусти
(А.С. Пушкин «Предчувствие»)*

*Мулэйім, момын періштем,
Сыбырла маган: гафует,
Қайғыр: нәзік көзіңді
Иә көтер, иә төмендет
(пер. И. Жансугурова)*

Славянизм *взор* переведен эквивалентным по семантике словом *көз*. Переводчики, как правило, ориентируются на данные лексикографических источников, однако составители словарей не могут предвидеть все конкретные сочетания, в которые попадает слово, поэтому для более глубокого проникновения в семантику слов необходимо проследить их значение в реальном речевом употреблении, в контексте. В связи с этим справедливой представляется точка зрения А.В. Федорова, согласно которой «слово не является самостоятельной единицей перевода. Смысл слова не автономен, он зависит как в оригинале, так и в переводе от контекста. И нередки случаи, когда одно слово оригинала передается на другом языке сочетанием двух или нескольких слов, или когда сочетание нескольких слов передается одним словом. Таким образом, каждое слово и каждое предложение как в оригинале, так и в переводе соотносятся с огромной массой других элементов текста, и поэтому, даже говоря о переводе отдельно взятого слова, всегда приходится учитывать роль окружения, контекста, который в известных случаях может потребовать поисков нового варианта» [6, с. 12].

Среди всех слов, пришедших в русский язык из старославянского (церковнославянского) языка, именно слова с неполногласием составили самый большой пласт заимствований и, в отличие от своих исконно русских синонимов с полногласием, обладали не только широкой сетью абстрактных значений, но и развитой системой переносных метафоричес-

ких и символических значений. По наблюдениям И.С. Улуханова, «слова типа *град, злато, древо, брег, врата* и т. п. долгое время употреблялись в одних и тех же памятниках и даже в одном и том же контексте, окончательно вышли из употребления довольно поздно – во второй половине XIX века. Однако корни этих слов сохранились в составе производных и сложных слов: *Волгоград, безбрежный, обезглавить, древесина*» [4, с. 160]. В современном русском языке некоторые славянизмы с неполногласием сохранились только в составе устойчивых сочетаний: *глас вопиющего в пустыне, древо познания добра и зла, денно и нощно, власти предержавшие* и др., характеризующихся частой воспроизводимостью, вследствие чего они закрепились не только в языке, но имеют четкие смысловые ассоциации в языковом сознании носителей языка. Устойчивость и универсальный характер этих ассоциаций определяются активностью их использования в философских, поэтических и религиозных текстах.

Длительное сосуществование и конкуренция коррелятивных форм с полногласием и неполногласием привели к тому, что слова с неполногласием оказались на периферии лексической системы, однако при этом некоторые неполногласные формы активно функционируют в современном русском литературном языке, вытеснив из употребления соответствующую полногласную форму. Как справедливо отмечает Б.А. Успенский, «в некоторых случаях церковнославянский вариант оказывается единственно возможным в языке. Так происходит именно тогда, когда соответствующее слово прочно связывается с абстрактным или обобщенным значением: в этих случаях русская форма исчезает из языка, уступая место церковнославянской. Так, например, неполногласная форма *время* совершенно вытеснила исконно русскую форму *веремя*, которая зарегистрирована в древнерусских текстах (ср., вместе с тем, украинское *веремя* – “погода”); точно так же славянизм *член* вытеснил русскую форму *челон*, которая представлена в древнейшей письменности. Совершенно так же славянизм *вещь* полностью вытеснил исконно русскую форму *вечь*; славянизм *пища* вытеснил исконно русскую форму *пича*» [5, с. 185]. Выбор варианта зависел от содержа-

ния текста и отношения автора к описываемому событию. Так, в семантике неполногласного слова *град* – «крепость, укрепление, древний город» содержится значение архаичности и некой величественности в отличие от *города*, означающего место, где проживают люди, их поселение. *Град* – слово старославянского происхождения, употребляющееся в качестве стилистически маркированного архаизма – элемента языковой стилизации древнерусской речи. Не случайно *град* сохранился в компоненте слов-названий городов, имеющих высокий статус и связанных с именами великих людей и исторических деятелей: *Петроград*, *Ленинград*, *Сталинград*, *Целиноград* и др. Рассмотрим переводы архаизма *град*, встречающегося в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник»:

*Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.*
(А.С. Пушкин)

*Өтті жүз жыл. Балғын қала
Солтүстіктің сән-сәулеті,
Түнек нулы сол арадан,
Бойлап шығып, ірге тепті*
(пер. Г. Орманова)

*Жүз жылдай уақыт өтті,
Жап-жас «град»
Түн жақ елдің еркесі,
әсем, сымбат*

*град – шаһар, қала деген
сөз*
(пер. М. Даулетбаева)

В первом случае, у Г. Орманова, лексема *град* переведена словарным эквивалентом *қала* (город), что нейтрализует значение контекста и не передает его семантико-стилистического своеобразия, проявляющегося в архаичности, возвышенности и помпезности ореола древнего города. Во втором случае переводчик М. Даулетбаев использовал такие приемы перевода, как транслитерация (*град* – слово передается графикой исходного языка) и подстрочный комментарий. Архаизм *шаһар* является архаизмом для казахского языка, используется в тех случаях, когда речь идет о древнем, историческом городе, и имеет та-

кую же семантику, как и архаизм *град*, поэтому *шаһар* можно считать функциональным эквивалентом славянизма-архаизма *град*. На наш взгляд, подстрочное пояснение здесь излишне, а слово *шаһар*, которое может быть средством стилизации, следовало бы дать в самом контексте, тем более что оно может быть использовано и в качестве средства версификации.

В переводоведении остается актуальным и не до конца решенным вопрос о передаче имплицитных элементов содержания, связанных с культурно-обусловленными ситуациями, культурными концептами и т. п. Для транслирования имплицитного содержания текста иноязычному получателю необходимы его интерпретация и дополнение исходного текста комментарием. Комментирование к классическому литературному произведению в настоящее время необходимо не только для читателя-инофона, но и для русского читателя, так как «разрыв между культурами, их конфликт возможен не только в виде столкновения родной и чужой культур, но и внутри своей, родной культуры, когда изменения в жизни общества достигают такого уровня, что следующие поколения уже не помнят, не знают, не понимают культуры и мироощущения своих предков. Социокультурный комментарий, который также называют реальным, чтобы подчеркнуть противопоставление реалий языковым фактам, имеет целью обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог, остро необходим как иностранному читателю при изучении русского языка, так и современному русскому читателю» [3, с. 108]. Комментирование языковых единиц – это способ экспликации культурно-исторической информации, являющийся необходимым условием для понимания текстов, написанных в прошлом.

Сопоставление лексических единиц генетически и типологически различных языков не может проводиться без обращения к переводу, поскольку в нем эксплицируются как межъязыковые системные соответствия, так и контекстуальные, складывающиеся в процессе адаптации системы языка перевода к выражению

семантического содержания единиц исходного языка. Природа языковых единиц (в особенности лексических) в художественном контексте играет важную роль для адекватного воссоздания национально-исторических и культурно-бытовых факторов. Особое значение при этом имеют фоновые знания переводчиков, поскольку при переводе осуществляется не только контакт двух языков, но и происходит соприкосновение двух культур. Переводчик, оставаясь интерпретатором семантической части переводимого, становится еще и активным интерпретатором его национально-культурной, функционально-стилистической специфики, коммуникативной направленности и прагматики.

Природа славянизмов культурно и функционально обусловлена – они выражают абстрактное, возвышенное, поэтическое содержание, что определяет так называемую неперевоаемость этих единиц. Сложность перевода славянизмов на другие языки, в том числе на казахский, определяется сохранением семантико-стилистического своеобразия переводимых слов. Однако несмотря на то, что славянизмы представляют большие практические трудности при переводе, они вызывают особый интерес, так как связаны с дифференциацией смысловых и стилистических функций, выполняемых в разных языках словами одинакового вещественного значения.

Таким образом, лингвостилистическое сопоставление оригинальных художественных текстов с их переводами способствует раскрытию семантических и структурных особенностей языковых единиц, дает важный материал для развития теории и практики перевода, а также сопоставительных и типологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джангалин, М. О некоторых вопросах перевода с русского на казахский язык / М. Джангалин. – Алма-Ата : Казгосиздат, 1958. – 116 с.
2. Киынова, Ж. К. Семантико-стилистическое своеобразие славянизмов в художественных переводах : дис. ... канд. филол. наук / Киынова Жанар Кабдыляшымовна. – Алматы, 2002. – 110 с.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
4. Улуханов, И. С. О языке Древней Руси / И. С. Улуханов. – М. : Азбуковник, 2002. – 192 с.
5. Успенский, Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – 240 с.
6. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие / А. В. Федоров. – М. : Высш. шк., 1983. – 235 с.
7. Шмелева, М. Н. Архаизмы и церковнославянизмы в произведениях А.С. Пушкина и проблема их перевода на английский язык : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Шмелева Марина Николаевна. – М., 2004. – 258 с.
8. Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 43–73.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- КСР* – Махмудов, Х. Казахско-русский словарь / Х. Махмудов, Г. Мусабаев. – Алма-Ата : Гл. ред. Каз. сов. энцикл., 1987. – 512 с.
- МАС* – Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 1. – М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.
- РКС 1954* – Искаков, А. Русско-казахский словарь / А. Искаков, Х. Махмудов, Г. Г. Мусабаев ; АН Каз ССР ; под общ. ред. Н. Т. Сауранбаева. – М. : ГИС, 1954. – 936 с.
- РКС 1978* – Русско-казахский словарь. В 2-х т. Т. 1 (А–О) / АН Каз ССР ; под общ. ред. Г. Мусабаева. – Алма-Ата : Мектеп, 1978. – 576 с.
- РКС 2005* – Русско-казахский словарь / под ред. Н. Т. Сауранбаева, Г. Г. Мусабаева, Ш. Ш. Сарыбаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1152 с.
- Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Т. 1 : Стихотворения 1813–1824 годов / А. С. Пушкин. – М. : Современник, 1982. – 683 с.
- Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Т. 2 : Стихотворения 1825–1836 годов / А. С. Пушкин. – М. : Современник, 1982. – 575 с.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Т. 3 : Поэмы. Сказки. – М. : Современник, 1982. – 606 с.
- Пушкин, А. С. Тандамалы шыгармалар / А. С. Пушкин. – Т. 1 : Олендер мен поэмалар. – Алма-Ата : КазОГИЗ, 1975. – 779 б.

**SEMANTIC-STYLISTICS PECULIARITIES OF SLAVINISMS
IN THE ASPECT OF TRANSLATION STUDIES**

Zh.K. Kiyova

The article deals with the semantic-stylistic specificity of Slavinisms, which determines difficulties of translation based on the translation analysis of the poetic works by A.S. Pushkin. The author characterizes the ways of translating of Slavinisms into the Kazakh language, allowing to save the cultural-historical information contained in their semantics.

Key words: *literary translation, Slavinism, stylistically marked archaisms, semantics, cultural and historical information, ways of translation, contextual equivalents, stylistic transformation.*